

Тина АРСЕНЬЕВА

«Смех — это вежливость в безнадежности»

VII ОДЕССКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ

Так сказал бельгийский режиссер Ксавье Серон, комментируя черный юмор своей картины «Смерть после смерти», награжденной на ОМКФ — 2016 призом за лучшую режиссуру. Но не только этот фильм оказался припечатан горестной и вызывающей улыбки. Свидетельствует ли она о «безнадежности»? Какие призраки бродят нынче по Европе?..

Почти за каждым фильмом нового «авторского кино» маячит призрак выдающегося предтечи. Всё было, было, было. Не в этом беда: и все сюжеты заявлены в Библии, и Шекспир брал свое добро, у кого находил, и Пушкин туда же. Но те образчики, которые встают за новейшими архаическими дерзаниями, дают такую глубину постижения темы и такую высоту постановки «вечных вопросов», что надо еще решиться вступить в перекличку. Так что, уж если Шекспир что затронул, так теперь про то и не писать? Нет, и писать, и снимать. Но вот критику, который родился не вчера, остается следить: а как выпутается новый автор, чем сумеет увлечь?

Автор фестивального фильма «Кто горит, горит», зрительским голосованием «приговоренного» к Гран-при, вышла из культурной ловушки достойно. Молодого режиссера Чанио Баттон спасла... доброта. Душевная тонкость. Зрителю пришлось по сердцу нехитрая, но гуманная киноистория, лишняя раз напомнившая о том, что жизнь у каждого одна, что она внезапно может оборваться и что негоже ее растрчивать попусту в погоне за бытовым комфортом, ради которого идешь на компромиссы и забываешь, что ты человек, а не винтик социального механизма, пусть и отлаженного идеально для твоего же блага, то бишь комфорта. Есть смысл крепко подумать о вещах несъедобных, пересмотреть свое небрежное отношение к близким и постичь, что «всегда найдется вершина более высокая», как убеждают в финале фильма две молодые героини.

Сюжетец был сочинен, чего уж там, опасный. Путешествие с погребальной урной, чтобы по завещанию развеять прах в определенных местах, приключения, поджидające персонажей, с попутным выяснением отношений, серебристый призраки на экране... ничего не напоминает? Ага: Феллини, «И корабль плывет». Даже до вот такого штришка, невольного, полагаю, но ведь заложенная культурная матрица работает: у Феллини прах оперной дивы развеивают близ греческого острова Эримо, на котором, считалось, находится вход в Аид; у Чанио Баттон одна из героинь, которым обреченный друг в видеозавещании поручает развеять его пепел, носит имя Персефона...

Есть люди, даже и такие, кто профессионально не чужд кинематографу, которые творчество Феллини вообще не воспринимают. Ну, дело такое... Я же, в который раз просматривая «И корабль плывет», снова и снова ощущаю: магия! По просмотру «Кто горит, горит, горит» — иное: ну, добрый фильм, с благими пожеланиями молодым. Вряд ли способный произвести переворот в сознании. Так, чтоб из кинозала — с подгибающимися коленками. Были такие фильмы в нашей юности. Шкала была задана...

Нынешние времена — не времена культурного шока. Природа взяла тайм-аут. Вы заметили, что этим летом не цветет одесская софора, обычно ввергающая город в фантастическое свечение? В прошлом году цвела буйно. Теперь отдыхает. Так оно, видно, и с явлением миру гениев...

Идеи, содержащиеся в фильме Чанио Баттон, приложимы к другим фестивальным фильмам, и конкурсным, и прочим рубрик. Та же картина «Смерть от смерти» Ксавье Серона. Я люблю черный юмор. В сущности, он — попытка заглянуть смерть, рудимент древнего ритуала погребального смеха. Режиссер и сам признался в намерении «приручить смерть».

В фильме мрачный юмор задает тон, но автор не перебарщивает, не впадает в брутальность, ничего не ополшает. Очень культурная работа. Актер Жан-Жак Розен — великолепен, и нужно быть незаурядным смельчаком, чтобы предстать в образе такого лузера — затурканного вздорной, эгоистичной мамочки ипохондрика, вообразившего у себя раковую опухоль. Его если и можно «полюбить», то отчужденно-снисходительно: жалеть, но не самоотжествляясь. Явно не

секс-символ. Надо иметь мужество изобразить подобного антигероя. Это актерский талант, самозабвенный талант! Плюс изумительная работа молодого оператора Оливье Бунджинга, сумевшего раскрыть, «нарисовать» светом прямо-таки иконописную фактуру исполнителя главной роли: глядя на Розена в жизни, вы бы и не подумали.

Но фильм оставил во мне некую неудовлетворенность, ощущение раздвоенности. Автор замахнулся на постановку экзистенциальной проблемы: о неотвратимости смерти и в свете этого — вопроса о смысле или бессмыслице бытия. Но очень уж увлекся частным биографическим казусом своего персонажа: его отношениями с доминирующей мамочкой. Герой Жан-Жак Розена добр, светлив, вот маман ему и села на голову, Эдипов комплекс ни при чем. Беда же для идеи фильма в том, что экзистенциальная проблема как таковая не вытекает из отношений, какими бы они ни были, детей с родителями, равно как и характер этих отношений данной проблемой не обусловлен. «Есть предел, его же не перейдешь» — условие имманентное. Фильм же, по произвольному посылу автора, устремился по двум разным колеям — и история в моем восприятии пошла вразнос. Как если бы некто поскользнулся на льду и невольно сел в поперечный шпегат, растянув себе связки.

Экзистенциальный вопрос — он такой, на нем художник вполне может свернуть себе шею. В конечном счете, приватный казус перевешивает: трогательному герою фильма сострадаешь, а уж что все мы, в принципе, умрем, так ведь смерть — это то, что случается с другими. А с этого несчастного парня что же взять, он просто болезненно мнителен, воображение у него впереди соображения бежит, не зря же он посещает актерскую студию. Тут частная биография не натягивается на универсум...

...Надеялась я, что будет отмечен фильм немки Дорис Дерри «Привет из Фукусимы». На мой взгляд, актерский приз двум исполнительницам главных ролей, Розали Томасс и Каори Моми, — это маловато. Фильм добрый, исполненный юмора, тоже подчас черного, и тонких наблюдений, побуждающих к размышлениям. И главное: его проблематика универсальна, все коллизии можно примерить на себя.

Вот смотришь, как пожилая японка прямо пытается разгрести завалы, оставшиеся на месте дома ее родителей после цунами; как пытается помочь ей молодая немка, приехавшая в Японию после катастрофы на Фукусиме в составе волонтерской организации... чего, спрашивается, сорвалась из комфорта Германии — такая альтруистка, да? Значит, смысл существования в комфорте до такой степени для нее уже замылен, что и радиации не боюлась? Или, напротив, от социальной неустроенности очертя голову бежала? Смотришь, как они вдвоем пытаются придать руине подобие жилища. Как откапывают осколки, ошметки нормального, мирного житья — фотоснимки, милые домашние вещицы...

И думаешь: так, может, нам, чтобы ощутить вкус к жизни, чтобы оценить саму возможность жить, необходима — катастрофа? Надо лишиться дома, чтобы понять, какое это благо — дом, даже бедный? Надо выжить в катаклизме, чтобы обрести настоящую цель, смысл жизни: созидание — построить новый дом на месте разрушенного...

А — зачем? А чтобы жить нормально. То есть — в комфорте. А для чего — комфорт? Чем ради него приходится в жизни жертвовать? Какие ограничения и социальные условия приходится принять? (Тут еще — смотрите фестивальный фильм-трагикомедию Марен Аде «Тони Эрдманн».) Вот ведь какой заколдованный круг! «Те, кто выжил в катаклизме, пребывают в пессимизме»... куда не прорвет круг очередной катастрофы.

А это столкновение цивилизаций в лице двух случайных попутчиц, жертвы катастрофы и волонтерки, японки и европейки! О, «Запад есть Запад, Восток есть Восток», и со столькими трагикомическими нюансами!.. Жертва не ощущает себя жертвой — она втайне презирает спасительницу как чужака, как варвара, и даже сквозь японскую вежливость прорывается это чувство превосходства. К сему прилагается в фильме мимикриру-

ющая Япония, этот самодостаточный Восток, «закосивший», чтобы комфортно существовать на планете, под Запад, перенявший американскую цивилизацию — и глубоко ее презирающий. Героиня фильма — гейша. Это — призвание, это — пожизненно, это — гордое воплощение традиции, и это... шоу-бизнес, как сама же она трезво констатирует: фишка для туристов. А дочь гейши танцует амазонку-самурайку в бродвейском шоу. Глобализация: хочешь комфорта, а попросту выжить — соблюдай дресс-код...

Поладят ли цивилизации на планете? Или ментальный конфликт — а конфликт, как известно, двигатель сюжета и прогресса — приведет к катастрофе?..

...А еще — вопрос трагической вины. Японка считает себя виновной в гибели своей ученицы, которую, скорее всего, не намеренно, а по неловкости, в панике, столкнула с дерева во время наводнения. Теперь это место одолевают призраки. Потому и вернулась гейша к родному пепелищу и сухому дереву — изжить вину. Немка спасает гейшу при попытке той повеситься на злосчастном дереве... и, уже уезжая, чувствуя себя, спасительницу, лишней и неуместной в этой чуждой жизни, старательно спиливает сук. Провожает европейскую героиню тонкая усмешка старой гейши в финальных кадрах фильма. Забота оценена... но если кто постановил себе повеситься — не сук, так крик слышит. Тем более что в японских религиях нет «смертного греха», а есть — перевоплощения. Финальная улыбка Каори Моми — она, о, из запоев гармонии!..

Вот возьмите и примирите всё это во всесветной гармонии!..

Фаворит жюри, «лучший фильм конкурсной программы» — лента румынского режиссера Адриана Ситару «Незаконные». Вот уж всевропейским кино — тоже в материале. Молодые, вам наводочка: классик мирового кино Лукино Висконти, «Туманные звезды Большой Медведицы», «Золотой лев» Венецианского МКФ 1965 года. Я, впрочем, не сравниваю и рядом не лежало. На то он и классик. Полюбопытствуйте и «Молчанием» Ингмара Бергмана, 1963 год...

Худо иное. Графоманская ли пьеса в основе сценария, или сценарий по пьесе вышел слаб, но негоже, когда вместо художественного исследования предлагают агитку: «Аборт — преступление, даже если ребенок — плод кровосмешения». Ну, дело семейное. А на большее, чем агитплакат в здравом пункте, фильм не тянет. Кто и что в нем попытался «постичь изнутри»? Что можно сказать о героях, брате и сестре, кроме того, что они юные, хорошенькие и посещают дансинги? Каковы их характеры, что их, в конце концов, толкнуло в объятия друг друга, — не взаимности же их растили?

Нам пытаются дать обоснование — но примитивное: это психоанализ, адаптированный для клерков. Мол, мама двойни колебалась, рожать ей или сделать аборт. Мол, явились в мир непрощенные-нежеланные, с дорожкой, можно сказать, травмой, ну, и вынуждены были возлюбиться друг друга. Зато процесс «возлюбления», точнее, извините, «траха», в фильме дан «весомо, грубо, зримо», не то что эти старомодные Висконти с их намеками. Теперь иначе нельзя, из мейнстрима выпадешь.

Обещала «не сравнивать», и всё же... У Висконти обоснование взаимного влечения брата и сестры внятное. К тому же из рассказанной им истории не вполне ясно, идет речь действительно об инцесте или только о той опасной близости, которая им чревата и по-

Фото Евгения Волокина

рождает в округе сплетни. Существенно то, что само влечение осознается героиней как грех и что употребляет она двадцать лет спустя в отношении той подростковой коллизии старомодное выражение «угрызения совести». Да и оказались двое подростков в фильме Висконти в ситуации поистине гамлетовской: «порядочные люди» их городка донесли фашистам на их отца, крещеного еврея, и тот погиб в Освенциме. А мама после вышла замуж за одного из «порядочных людей». Дети, мучимые догадками, оказались в изоляции...

У меня же невольно возник вопрос о героях фильма «Незаконные»: а люди ли — эти два юных существа? Или животные? Вроде молодых кот и кошки из одного помета. Вот так, без рефлексий, без понятия о грехе, стыде, без условностей, импульсивно, рефлекторно... и не морочьте нам голову с вашим допотопным Эдипом, это неполиткорректно.

Апофеозом же впечатления было — похоронивание молодого зрителя в кресле позади, во время изнурительно долгого экранного диалога брата с сестрой: так делать ли ей аборт? Диалог кончился, зритель встряхнулся. Я ничего не придумываю!

Понятно: молодое поколение румынских художников, сподобившись Евросоюза, бросилось осваивать «евроценности» с рвением нефитов, которые, как известно, благочестивее Вселенского патриарха и непогрешимее Папы Римского. Толерантность — так до упора.

Кинофестивальное жюри — туда же. Ведь фильм «Незаконные», как ни верти, не блестяще художественными достоинствами, не предлагает ни психологических глубин, ни формотворческих новаций. А вы тут о былом говорите — тоталитарная цензура, политическая конъюнктура. На поверку — «Свободы нет в природе, ее соблазн исчез!»

...Кто упоает, что Европа разрулит наши с вами проблемы, тот пусть посмотрит фильм, награжденный Золотой пальмовой ветвью в Каннах в 2016 году: «Я, Дэниэл Блейк» Кена Лоуча. Был ли это реверанс жюри киноэтру, которому как раз в этом году исполнилось 80 лет? По случаю таких дат обычно награждают «за вклад в кинематограф». А если уж дали «веточку» за такой фильм, то... неладно что-то и в британском королевстве. Человек, превращенный в деталь отлаженного социального механизма продажи труда ради покупки комфорта, надежды, как и всякая деталь, изнашивается, и тогда... Собственно, рассказанная Кеном Лоучем печальная история — гротеск, доведение ситуации до экстремума, но не на пустом же месте режиссер ее измыслил.

«Шары европейской» не будет. Европе не до наших проблем: у нее своих выше крыши. Никому в мире — не до наших проблем. Пустившийся в свободное плавание не норвит всучить штурвал чужому дяде. Сюжеты европейского кино тому порука. «Выбирайтесь своей колеёй»...

(В сокращенном варианте опубликовано в газете «Вечерняя Одесса».)